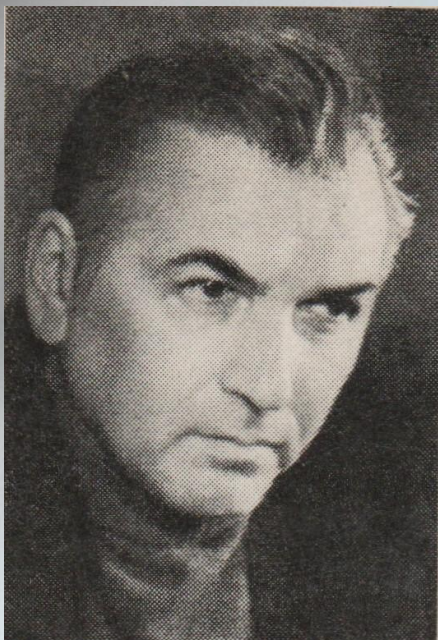
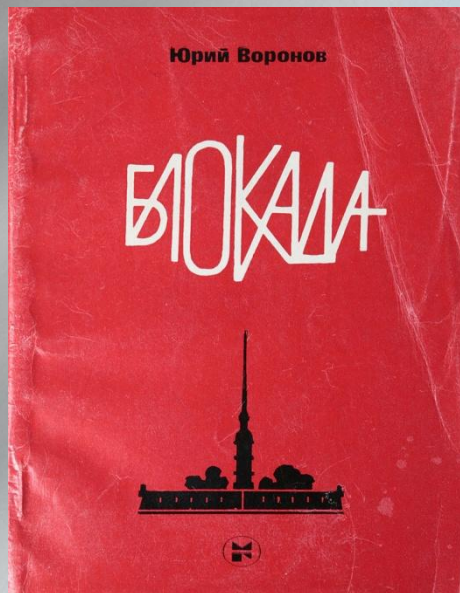

Вновь январь за окном белеет...

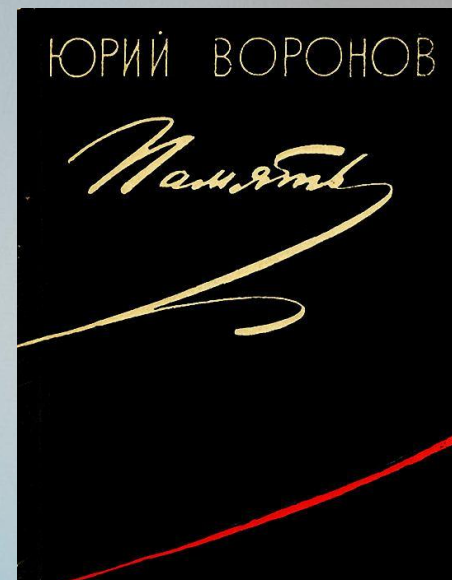

**Историко-поэтическая композиция посвящается
77-летию снятия блокады Ленинграда и
журналисту, поэту, жителю блокадного
Ленинграда Юрию Воронову**

Воронову принадлежит более 200 публикаций в периодике. И все-таки главная заслуга его перед людьми — стихи. Он начал писать их рано. Когда в 1968 вышла первая книга стихов Воронова «Блокада», а чуть позже сборник «Память», когда блокадные стихи Воронова были собраны воедино — они буквально обожгли читателей. У Воронова оказался свой ракурс в изображении ленинградской трагедии.

В 1986 году за сборник "Блокада" Юрий Воронов был удостоен Государственной премии РСФСР им.М.Горького.

Блокада- это когда 1 500 000 человек не имеют возможности заснуть от голода.

И нет сил похоронить своих родных.

Которые окоченевшие лежат там же. На кровати.

Рядом.

Блокада- это питьевая вода из уличного люка при отсутствующем водопроводе, и забитые подушками окна от постоянных артобстрелов, и каждый выход из дома, выход без надежды вернуться. Это книги в буржуйках, чтобы как-то согреться.

Это лепёшки со жмыхом, овсяной соломой, на обойном соскобленном с обойной бумаги в комнате кл

И невозможность тушить пожар.

И горящие неделями дома и кварталы.

И чёрные лестницы парадных , по которым нужно ходить осторожно, ибо там может быть труп, и если упадёшь, то может не хватить сил

В этот день, **27 января**, Ленинград отмечает полное снятие 872-дневной блокады. На город на Неве было брошено 300 тысяч солдат, 6000 орудий, 1000 танков, столько же самолетов.

Большинство блокадников умерло от голода, люди погибали при бомбежках... Но город выстоял. Как? Ответ на этот вопрос -

14-летнего блокадника Юры Воронова:

"Мы знаем: клятвы говорить непросто.

И если в Ленинград ворвётся враг,

Мы разорвём последнюю из простынь

Лишь на бинты, но не на белый флаг!"

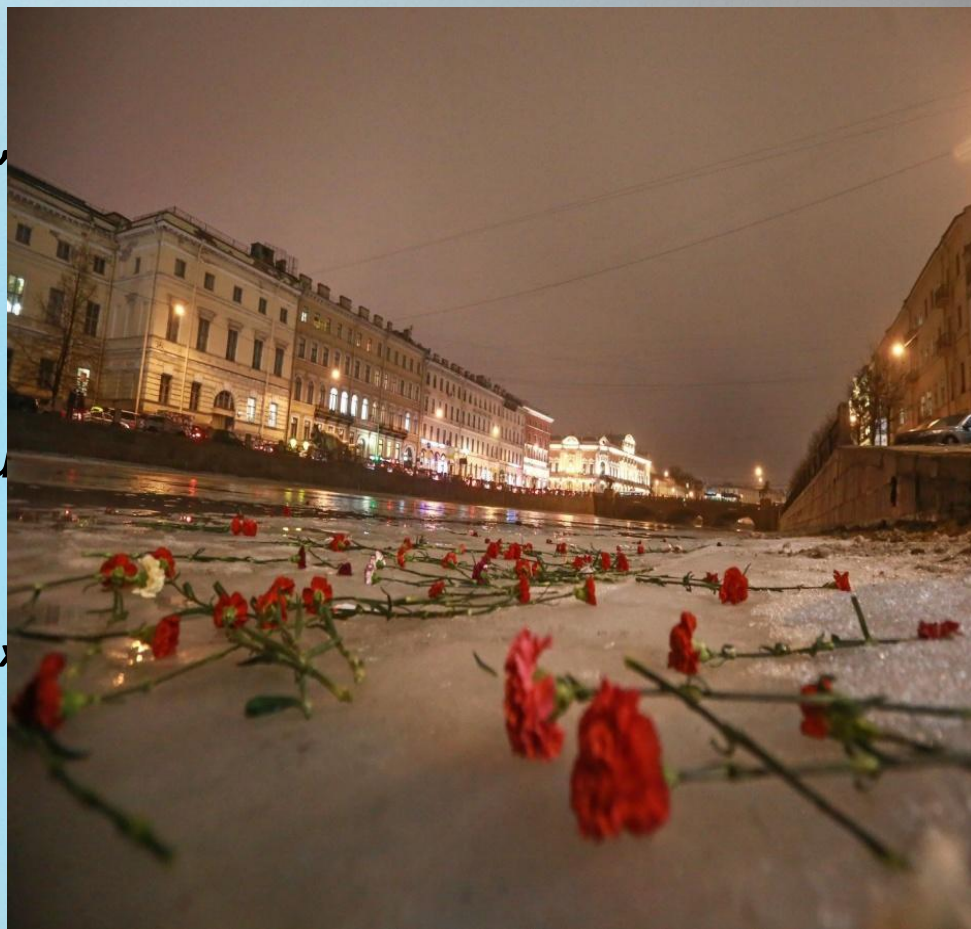
В стихах Ю.Воронова звучит голос ребенка, мальчика, который каждый день побеждает в себе страх, каждый день учится безбоязненно смотреть в глаза смерти. Его короткие по форме, но пронзительные стихи воспринимаются как летопись блокады,

**Опять война, опять Блокада,
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда: «Не надо,
Не надо раны беречь».**

**Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о Блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.**

**И может показаться: правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда — не правá!**

**Когда замкнулось
блокадное кольцо, в
Ленинграде оставалось
помимо взрослого
населения 400 тысяч
детей – от младенцев
до школьников и
подростков.**

25 ноября 1941 года стал, наверное, самым страшным днем в жизни Юрия Воронова. Мальчик ходил в магазин выкупать хлеб, когда бомба угодила в дом, где он жил. В квартире находились мама, бабушка, брат Александр и сестра Людмила. Маму и бабушку удалось откопать живыми, их увезли в госпиталь, а брата и сестру Юра вместе с отцом, который служил в Кронштадте, нашли лишь на пятый день. Брату Алёше было 4 года, а сестренка родилась 8 октября 1941 года. Почерневшие от горя, они похоронили родных на Волковом кладбище. Это был 85 день блокады...

**Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу.**

**Тот пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыданье,
Как всхлип.**

**Будто все это
Было вчера...
В белой простыне -
Брат и сестра...**

**А 1 декабря 1941 года Юрий
написал первое из ставших
известными
стихотворение, которое
называлось «Я забыть
никогда не смогу».**

Младшему брату

*Из-под рухнувших перекрытий —
Исковерканный шкаф, как гроб...
Кто-то крикнул: — Врача
зовите!.. —
Кто-то крестит с надеждой лоб.*

*А ему уже, плачь — не плачь,
Не поможет ни Бог, ни врач.*

*День ли, ночь сейчас — он не
знает,
И с лица не смахнёт мне слёз.
Он смотрит — уже не мигая —
На вечерние гроздьё звёзд.*

*Эту бомбу метнули с неба
Из-за туч среди бела дня...
Я спешил из булочной с хлебом.
Не успел, ты прости меня.*

Тро

*Я к ним подойду. Одеялом укрою.
О чем-то скажу, но они не услышат.
Спрошу - не ответят...
А в комнате - трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?*

За воем

За воем сирен ~~сирен~~

Самолёты в ночи.

За взрывом —

Завалы из щебня и лома,

Я цел.

Но не знаю ещё,

Что ключи

В кармане —

Уже от разбитого дома.

После случившейся трагедии Юрий Воронов стал бойцом аварийно-восстановительной службы. О том, чем ему пришлось заняться, он вскоре написал для газеты «Ленинская смена» небольшую заметку «Забывая об опасности». Редакция рядом с этой заметкой поместила снимок автора – раненого, засыпанного осколками стекла черноглазого парнишки.

Комсомольцы бытовых отрядов

Бывает так:

*Когда ложишься спать,
Тревожишься за завтрашнее дело,
А по утрам
От слабости не встать,
Как будто к простыне примерзло т*

*А рядом –
Ни соседей, ни родни.
И ты лежишь,
В спасение не веря.
И вот тогда
К тебе придут они,
Взломав не без труда
Входные двери.*

*И ты отдашь им карточку на хлеб,
Ещё боясь,
Что могут не вернуться.
Потом поймешь,
Что был ты к людям слеп,
И губы
Виновато улыбнутся.*

*А в печке затрещит разбитый стул,
И кто-то – за водой, с ведром на санках.
И кто-то ночью,
Словно на посту,
Подбросит щепок в дымную времянку.*

*Они добром и словом врачевали
Бойцы – из бытотрядов над Невой.
Ведро воды – а люди вновь вставали!..
Пусть говорят, что нет воды живой!*

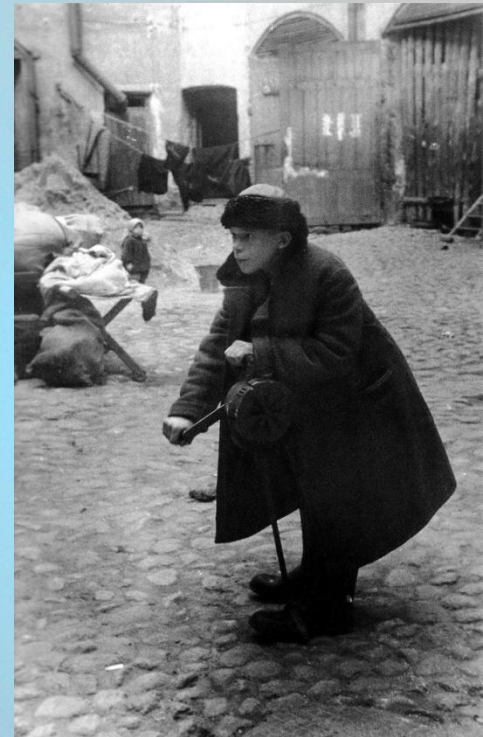
Бомбёжка

*За лязгом и скрежетом - взрывы и свист.
Всё небо распорото боем.
И жёлтые звёзды срываются вниз:
Им выдержать трудно такое.*

*И мечется между разрывов луна,
Как птица над лесом горящим...
Бомбёжка всё ближе. Взрывная волна
Мой дом задевает всё чаще.*

*Холодный чердак, где находится пост,
Как старый скворечник, колышет...
Осколки зенитных снарядов и звёзд
Колотят по стенам и крышам.*

*И вдруг - снова темень и тишь над тобой.
И звёзды на небе помятом
По прежним местам разобрались... Отбой.
За нынешний вечер - девятый...*

***Мы никогда так много не молчали,
Не думали так много никогда,
Как той зимой потерь, тревог, печали,
Где новый день, как новая беда...***

В
Девчонка руки протянула
И головой -
На край стола.
Сначала думали - уснула,
А оказалось:
Умерла.

Ее из школы на носилках
Домой
Ребята понесли.
В ресницах у подруг
Слезинки
То исчезали, то росли.

Никто
Не обронил ни слова.
Лишь хрипло,
Сквозь метельный стон,
Учитель выдал, что снова
Занятия -
После похорон.

Учиться в блокадном Ленинграде было подвигом, особенно в морозы. Детям и учителям приходилось самостоятельно колоть дрова, чтобы в классе стало хоть чуть-чуть теплее. Записи не велись, не только потому, что замерзали детские худые ручки, но и потому что, при минусовой температуре чернила не писали. Занятия длились не больше 25 минут.

После уроков

Идет обстрел.

**И в раздевалке школьной
Ученикам пальто не выдают.**

**Ребята расшумелись,
недовольны:**

**Ведь добежать до дому –
Пять минут!**

**А Галкины ресницы –
Даже влажны:**

**На сутки с фронта
Брат пришел домой!**

...От этой школы

До окопов вражьих –

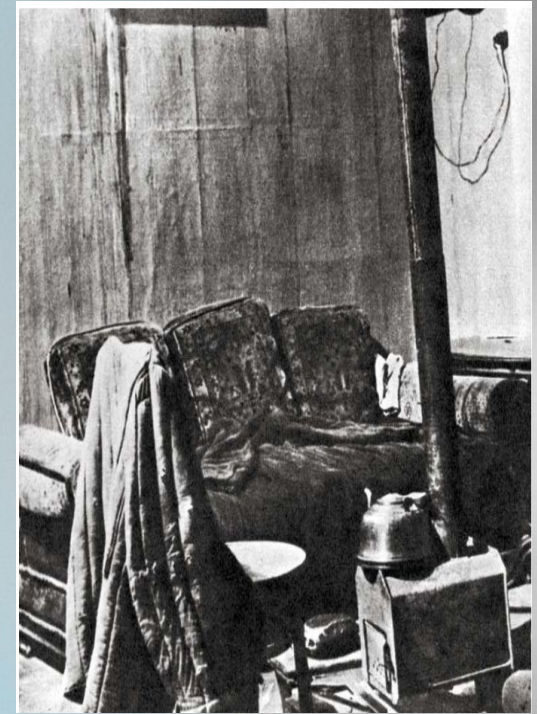
**Двенадцать километров по
прямой.**

Книг

**Мы, чтобы согреться, книги жжем.
Но жжем их,
Будто сводим счета:
Те, что не жалко, - целиком,
У этих - только переплеты.**

**Мы их опять переплетем,
Когда весну в апреле встретим.
А не придется -
Вы потом
Нас вспомните
По книгам этим...**

Картошка

*На рынке у булочной тихо и грустно.
Как в древности, здесь натуральная мен.
Стакан отрубей - на полбанки капусты,
На плитку дуранды - четыре полена.*

*На хлеб даже две стограммовых картошки
У этой дружинницы выменять можно.
Старик предлагает ей чайные ложки,
Однако старанья его безнадёжны.
Сказала негромко: - Хлеб нужен для мамы.
И ясно: другого обмена не будет...*

*На рынке у булочной граммы на граммы
Меняют друг с другом голодные люди.
Я тут проходил, ничего не меняя,
А голод пошёл выворачивать тело.
Оно вдруг заныло, как рана сквозная:
Картошка проклятая в память засела.*

**Опять налёт, опять сирены взвыли.
Опять зенитки начали греметь.
И ангел с петропавловского шпиля
В который раз пытается взлететь.**

**Но неподвижна очередь людская
У проруби, дымящейся во льду.
Там люди воду медленно таскают
У вражеских пилотов на виду.**

**Не думайте, что лезут зря под пули.
Остались - просто силы берегут.
Наполненные вёдра и кастрюли
Привязаны к саням, но люди ждут.**

**Ведь прежде чем по ровному пойдём,
Нам нужно вверх по берегу
подняться.
Он страшен, этот тягостный
подъём,
Хотя, наверно, весь - шагов
пятнадцать.**

**Споткнёшься, и без помощи не
встать,**

Вод

а

Коптилка

***Кто доживет,
Тот вспомнит в дни побед
Коптилку –
Наш убогий зимний свет.
Не слишком ярок
Тонкий фитилек...
И все ж,
К тебе придвинувшись вплотную,
Сумеет школьник
Выучить урок,
Сестра
Больному рану забинтует,
Согреет пальцы
О твои лучи...***

***Нам
Без тебя бы мрак
Казался вечным!
Ты –
Как светляк
В безвыходной ночи,
Ты – как сверчок,
Стрекочущий за печкой.
Хранительница света и огня,
Ты в эту ночь
Опять со мною рядом,
Опять теплом подула на меня
Гори,
Гори,
Гори, моя лампада!..***

Обстрел

*Опять фанера хлопнула в окне
И старый дом от взрыва
закачался.*

Ребёнок улыбается во сне.

А мать ему поёт о тишине,

Чтоб он её потом не испугался.

Сверху видно,

Как сброшенный им же фугас

Превращает

Дома ленинградские

В груды.

Только жаль,

Что пилоту не видно оттуда

Наших лиц,

Наших сомкнутых губ,

Наших глаз.

Он бы столько увидел!

**Ему бы
Только три шага,
Чтобы успеть свернуть за угол
Но прошипел снаряд врага –
и мы стоим
Над мертвым другом.
Он слов прощальных не сказал
Лишь напряглись
В последней муке
Уже потухшие глаза
И остывающие руки...**

6 декабря 1941 года

**Ни хлеба, ни топлива нет.
Улыбки на лицах знакомых –
Нелепы, как вспыхнувший свет
В окне затемнённого дома.**

**Нелепы, и всё же они
Сегодня скользили по лицам,
Как в старые добрые дни.
Мы знали, что это случится!**

**– Слыхали? – И люди стихали. –
Вы слышали новости? – Да!.. –
И люди друг другу махали,
Забыв, что под боком беда.**

**Бежали домой, чтоб в волненье
Там выдохнуть эти слова:
– Москва перешла в
наступленье!.. –
Поклон тебе низкий, Москва!**

Из писем на Большую

Наш город в снег до пояса закопан.
И если с крыш в город посмотреть,
То улицы похожи на окопы,
В которых побывать успела смерть.

Вагоны у пустых вокзалов стынут,
И паровозы мёртвые молчат, -
Ведь семафоры рук своих не вскинут
На всех путях, ведущих в Ленинград.

Луна скользит по небу одиноко,
Как по щеке холодная слеза.
И тёмные дома стоят без стёкол,
Как люди, потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш, - не верьте!
Нас не согнут отчаянье и страх.
Мы знаем от людей, сражённых смертью,
Что означает: «Смертью смерть поправе».

Мы знаем: клятвы говорить
непросто.

И если в Ленинград ворвётся враг,
Мы разорвём последнюю из

Сотый день

**Вместо супа - бурда из столярного клея
Вместо чая - заварка сосновой хвои.
Это б всё ничего, только руки немеют,
Только ноги становятся вдруг не твои.**

**Только сердце внезапно сожмётся, как ёжик,
И глухие удары пойдут невпопад...
Сердце! Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай! Ведь на наших сердцах - Ленинград!**

**Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость
Слышишь: город клянётся, что враг не пройдет!
...Сотый день догорал. Как потом оказалось,
Впереди оставалось ещё восемьсот.**

**Помимо хлеба, людям давали 10 г сахара
и 200 г крупы в месяц. Нередко вместо
нее давали жмых. Существовали даже
мясные талоны, но их нечем было
отovarивать, поэтому мяса**

**За годы блокады
погибло, по разным
данным, до 1,5
миллиона человек.
Только 3% из них
погибли от бомбёжек
и артобстрелов;
остальные 97 %**

Дорога жизни

Они лежали на снегу
Недалеко от города.
Они везли сюда муку.
И умерли от голода...

«Дорога жизни» блокадного Ленинграда – это единственная транспортная магистраль через Ладожское озеро во время блокады. Дорога давала жизнь с сентября 1941 по март 1943 года. Общее количество грузов, перевезённых в Ленинград по Дороге жизни за весь период её действия, составило свыше 1 млн 615 тыс. тонн. За это же время из города было эвакуировано около 1 млн 376 тыс.

В пути

**С каждым шагом тяжелеют ног
Но про отдых лучше позабудь:
Может, мёртвый на краю дорог
Сел вначале тоже отдохнуть.**

**Ветер разбегаётся и сходу
След мой замечает на снегу.
Полпути осталось до завода.
Я бреду, а кажется, бегу.**

**Вьюга... От неё не оторваться.
Можно только спорить на ходу:
Свалишь - упаду, чтоб вновь подняться.
Ослепишь - на ощупь путь найду!**

В густом и холодном тумане

***В густом и холодном тумане -
Проспекты, каналы, сады.
Пурга леденит и арканит.
Позёмка заносит следы.***

***Как мрачные тени навстречу -
Деревья, ограды, дома...
Но скрипнут шаги человечья
И сразу становится легче,
И снежная тропка пряма.***

Сугробы

*Иной сугроб страшней трясины,
Встал на пути – и прерван путь.
Что делать, я один не в силах
Через него перешагнуть.*

*Стою и жду под снежным воем
Пока другой не подойдёт.
Вот подошёл. Теперь нас двое
И я себе шепчу: – Вперёд!..*

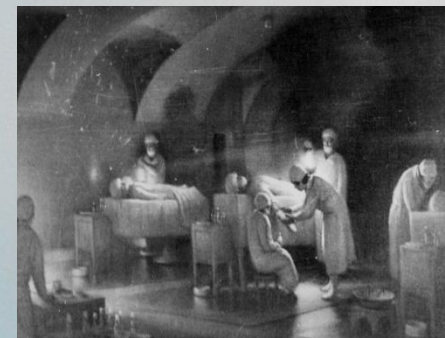

В тяжёлой палате

***Нам сёстры, если рядом не бомбят,
По вечерам желают «доброй ночи».
Но «с добрым утром» здесь не говорят.
Оно таким бывает редко очень.***

***Когда январский медленный рассвет
Крадёт по проснувшейся палате
Мы знаем, что опять кого-то нет,
И ищем опустевшие кровати.***

***Сегодня - мой сосед... В ночи к нему
Позвали не врача, а санитаров.
...Теперь ты понимаешь, почему
Меня вторым укрыли одеялом!***

31 декабря 1941

**По Ленинграду ~~снег~~ года метёт,
Она теперь везде, как ветер.
Мы не встречаем Новый год -
Он в Ленинграде незаметен.**

**Дома - без света и тепла,
И без конца пожары рядом.
Враг зажигалками дотла
Спалил Бадаевские склады.**

**И мы Бадаевской землёй
Теперь сластим пустую воду.
Земля с золой, земля с золой -
Наследье прожитого года.**

**Блокадным бедам нет границ:
Мы глохнем под снарядным гулом,
От наших довоенных лиц
Остались лишь глаза и скулы.**

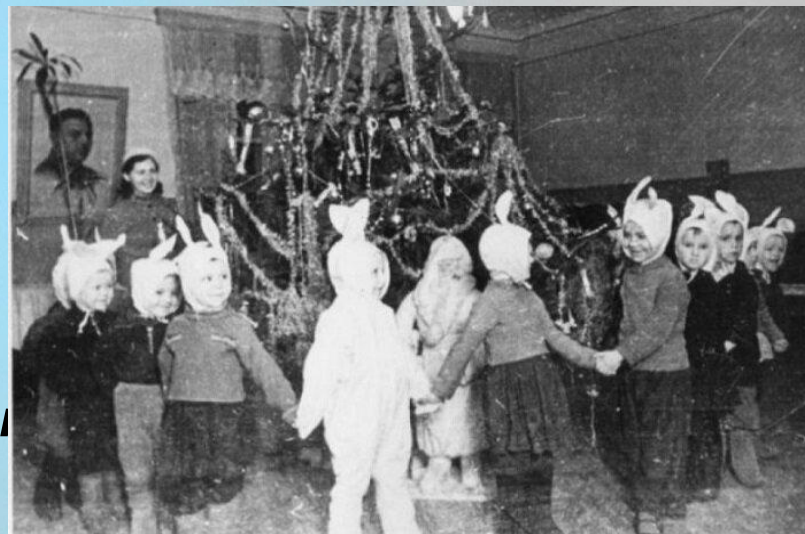

**И мы обходим зеркала,
Чтобы себя не испугаться...
Не новогодние дела
У осаждённых ленинградцев...**

**Здесь даже спички лишней нет.
И мы, коптилки зажигая,
Как люди первобытных лет,
Огонь из камня высекаем.**

**И тихой тенью смерть сейчас
Ползёт за каждым человеком.
И всё же в городе у нас
Не будет каменного века!**

**Кто сможет, завтра вновь пойдём
Под вой метели на заводы.
...Мы не встречаем Новый год,
Но утром скажем: С Новым годом!**

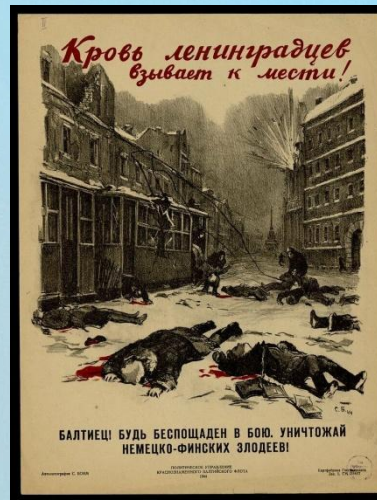

Январь сорок второго

Горят дома –
Тушить их больше нечем.
Горят дома,
Неделями горят.
И зарево над ними каждый вечер
В полнеба,
Как расплавленный закат.

И черным пеплом
Белый снег ложится
На город,
Погруженный в мерзлоту.
Мороз такой,
Что, если б были птицы,
Они бы замерзали на лету.

И от домов промерзших, от заводов
На кладбища
Все новые следы:
Ведь людям
Без огня и без воды
Еще трудней,
Чем сквозь огонь и воду.

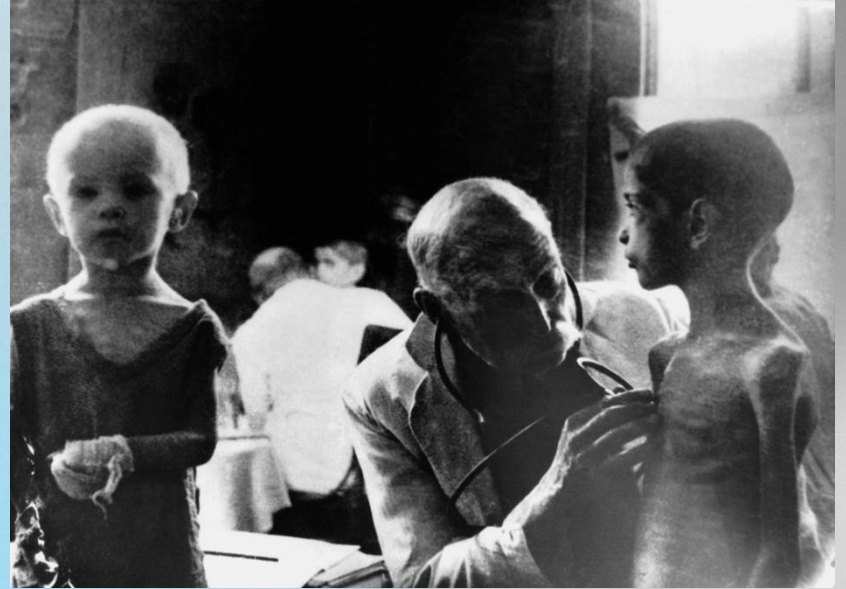

Но город жив,
Он выйдет из бомбежек
Из голода,
Из горя,
Из зимы.
И выстоит!..
Иначе быть не может
Ведь это говорю не я,
А мы!

**Нет лекарств,
Чтоб голод укрощали.
И пока он в городе везде,
Мы себе негласно запрещаем
Говорить друг с другом
О еде.**

**А начнешь, –
Недобрый взгляд заметя,
Тут же смолкнешь,
Будто шел на грех.
К этому
Привыкли даже дети,
Хоть сегодня им
Труднее всех.**

**В разговорах
Я храню запреты
На еду, которой не забыл,
На супы,
На каши и котлеты...
Но о них не думать –
Выше сил.**

Братская могила

*Над ним оркестры не рыдали,
Салют прощальный не гремел.
Поскольку досок не достали,
Он даже гроба не имел.*

*И даже собственной могилы
Ему не довелось иметь.
У сына не хватило б силы:
Его бы тоже сбила смерть.*

*Но тут другие люди были,
И сын пошёл с лопатой к ним.
Все вместе к вечеру отрыли
Одну могилу — семерым.*

*И знали люди, обессилев
И завершив печальный труд:
Могилы общие в России
Недаром Братскими зовут.*

**За годы войны и блокады в 186
братских могилах было похоронено
свыше 470 тысяч жителей
Ленинграда, погибших от голода,
холода, болезней, бомбёжек и
артобстрелов, и воинов -
защитников Ленинграда.**

После ЗИМЫ

*Чтоб знать, кто выжил,
Пишем всем знакомым,
А вот ответы
Редкие идут.*

*Нам больше отвечают управдомы:
«Все умерли... На фронте... Не живут...»*

*И вдруг
Письмо от бывшего соседа:
«Хожу с трудом, но это не беда.
На днях пойдет трамвай,
И я заеду...»
Трамвай пойдет опять -
Вот это да!*

15 апреля 1942 года, в блокадном Ленинграде после перерыва, длившегося три с половиной месяца, было возобновлено движение трамваев. Измученные жители осажденного города встречали вышедший по пяти маршрутам электрический транспорт криками "ура" и просили вагоновожатых позвонить в звонок, чтобы услышать родной сигнал ленинградского трамвая.

Огороды

*Мы радуемся солнечному маю,
А ждем дождя.*

*И нужно нас понять:
Мы на дворе булыжники снимаем,
Чтоб грядки огородные создать!*

*Под огороды – все: газоны, клумбы,
Что вырастет, не знаем,
Но азарт!*

*Советы, как сажать,
Дает завклубом:
Он жил в деревне
Двадцать лет назад.*

*И на стене плакаты.
Буду старым,
А эту надпись память не сотрет.
Что овощей
С одной восьмой гектара
Достаточно семье на целый год!*

Баллада о

И музыка
Встала над **Музыке**
Крушила
Безмолвие тёмных квартир
И слушал её
Ошарашенный мир...

Вы так бы смогли,
Если б вы умирали?..

Концерт начался!
И под гул канонады –
Она, как обычно, гремела окрест
–
Невидимый диктор
Сказал Ленинграду:
«Вниманье!
Играет блокадный оркестр!..»

9 августа 1942 года в переполненном зале Ленинградской филармонии состоялось долгожданное исполнение Седьмой симфонии. Артиллеристам, защищавшим город, был отдан приказ командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова подавлять огонь противника. Во время исполнения симфония транслировалась по радио и громкоговорителям городской сети. Её слышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска.

Пленные

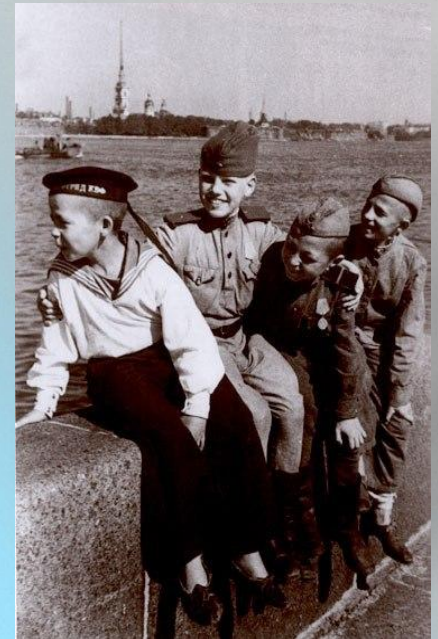
*По Невскому пленных везут.
На сотню - четыре конвойных.
Они никуда не уйдут,
И наши солдаты спокойны.
В блокаде куда им уйти,
В какой закоулок податься?
На всём протяжении пути
Казнят их глаза ленинградцев.
Сбежишь - и тогда самосуд,
А здесь - под солдатской защитой...
Им хлеб, как и нам, выдают,
По Ладоге в город пробитый...*

Первый марш пленных фашистов был проведён именно в блокадном Ленинграде – в августе 1942 г. колонну немцев под конвоем провели через город по Невскому проспекту. Жители осажденного города увидели несостоявшихся оккупантов.

**В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
нам в сорок третьем
Выдали медали.
И только в сорок пятом -
Паспорта.
И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...**

**Медаль «За оборону Ленинграда»
была учреждена Указом
Президиума Верховного Совета
СССР от 22 декабря 1942 года.
Всего же этой медалью
награждены 1 470 000 человек.
Среди них 15 тысяч блокадных**

**Герой не тот,
Кто шествует на плаху
С улыбкой беззаботной на губах.
Не тот,
Кто никогда не знает страха,
А тот, кто первым побеждает страх.**

**И если он однажды скажет:
«Надо!»—
То люди знают:
Рядом будет он...
Я говорю спасибо Ленинград.
Что он людьми такими
Наделен.**

27 Января

1944

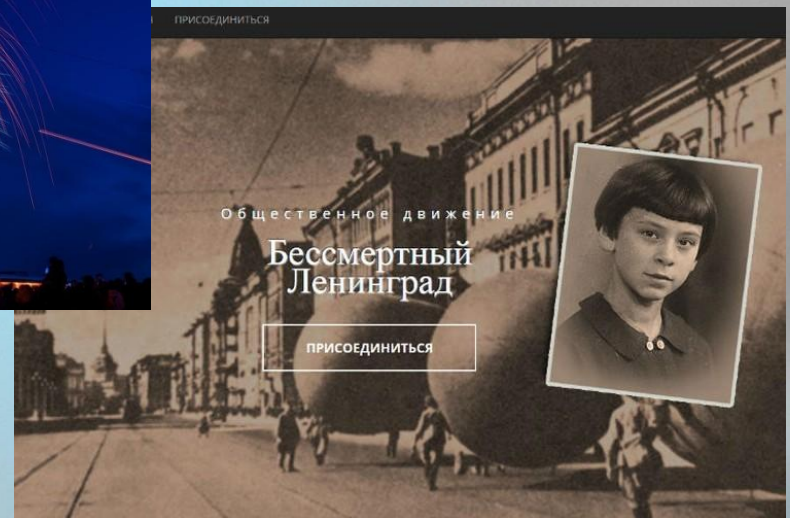
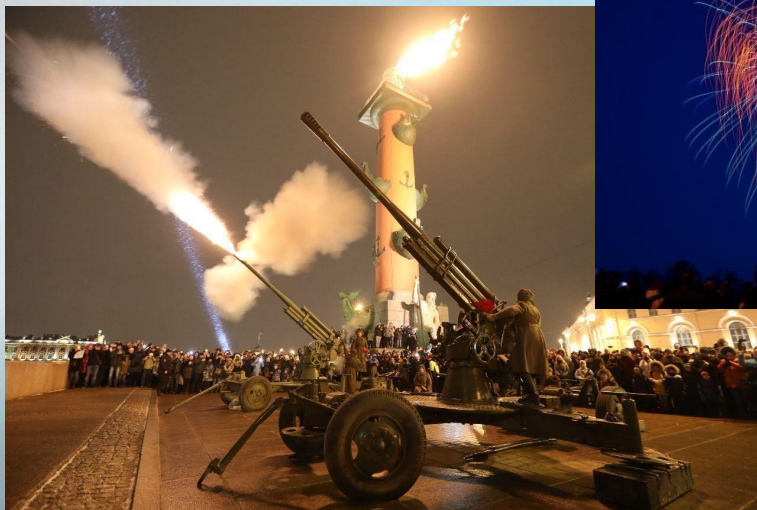
**За залпом залп гремит салют.
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пёстрыми цветут.
А ленинградцы тихо плачут.
Ни успокаивать пока,
Ни утешать людей не надо.
Их радость слишком велика —
Гремит салют над Ленинградом!
Их радость велика, но боль
Заговорила и прорвалась:
На праздничный салют с тобой
Пол-Ленинграда не поднялось...
Рыдают люди, и поют,
И лиц заплаканных не прячут.
Сегодня в городе салют.
Сегодня ленинградцы плачут...**

***Мне кажется: когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.
Они к Неве по улицам идут,
Как все живые. Только не поют.
Не потому, что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые молчат.
Мы их не слышим, мы не видим их,
Но мёртвые всегда среди живых.
Идут и смотрят, будто ждут ответ
Ты этой жизни стоишь или нет?..***

В 2016 году Петербурге начало работу новое общественное движение «Бессмертный Ленинград».

Турист

**Говорил он, на город глаза,
Собираясь в обратный полёт.
– Этот город подобен музею.
Я бы брал с иностранцев за вх**

**И не понял приехавший «дядя»,
За моря улетаая назад:
Не взимают за вход в Ленинграде,
Но в глаза визитёров – глядят.**

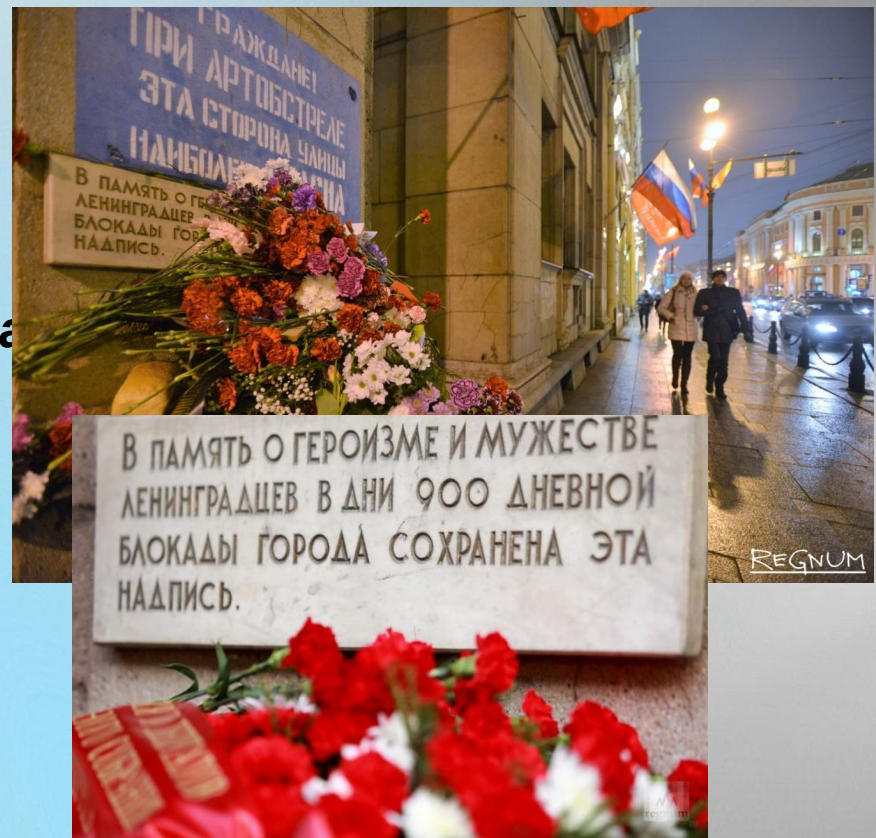
**Он бродил здесь
Один и со всеми,
Но цветка к Пискаревке не снёс...
То ли нервы берёг,
То ли время,
То ли сердцем ещё не дорос.**

**По разным данным за время
Блокады погибло около
миллиона воинов Красной
армии и около миллиона
жителей Ленинграда.
Значительная часть
ленинградцев, не
переживших блокаду,
покоятся на Пискаревском
кладбище.**

**Блокады нет...
Уже давно напрасно
Напоминает надписью стена
О том,
Что «наиболее опасна
При артобстреле эта сторона»**

**Обстрел
Покою больше не нарушит,
Сирены
По ночам не голосят...
Блокады нет.
Но след блокадный
В душах, –
Как тот
Неразорвавшийся снаряд.**

**Он может никогда не
разорваться.
О нём на время
Можно позабыть.
Но он в тебе.
И нет для ленинградцев
Сапёров,
Чтоб снаряд тот
Взрядит**

**Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!**

**Поэт говорил, что он
как реликвии хранит
три вещи: медаль «За
оборону Ленинграда»,
блокадные карточки и
комсомольский билет.**

**Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память - наша
совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...**